

УДК 347.464

ББК 65.01

**ТЕОРИЯ ПОИСКА РЕНТЫ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ****В. А. Клименко**

vak_@tut.by

доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
профессор, советникИсполнительный комитет СНГ
г. Минск, Республика Беларусь**Ю. В. Карпович**

juliakarpovich.gk@gmail.com

студент

Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию методологических основ теории поиска ренты. На основе анализа терминологических особенностей ренты раскрыто понятие и основные характеристики ренты и рентоориентированного поведения. Рассмотрены основные формы рентоискательства. Выявлены способы измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов.

Ключевые слова: рента, рентоориентированное поведение, рентные ресурсы, рентоискательство, политическая рента.

Введение. Многочисленные попытки анализа экономической природы феномена ренты и рентоориентированного поведения свидетельствуют об актуальности исследуемой темы. На протяжении нескольких веков ученые придерживались различных подходов к определению данных социально-экономических категорий, приходили к неоднозначным выводам относительно влияния процесса поиска ренты на экономическое развитие страны. Этот факт подтверждает теоретическую и практическую сложность вопросов рентной проблематики. Впервые теоретическое осмысление рентоориентированного поведения было сделано американским экономистом Г. Таллоком в 1967 г. при анализе монопольных рынков. Ученый обратил внимание на существование значительных социальных издержек, связанных с установлением монополий и введением таможенных пошлин, а также на нецелесообразный расход ресурсов, обусловленный нерациональным использованием факторов производства и возникновением возможностей получения ренты [1, с. 436–437]. Непосредственно сама категория «поиск ренты» в научный оборот была введена в 1974 г. А. Крюгер, которая подчеркивает, что даже в рыночной экономике правящая партия способна оказывать определенное влияние на рыночный механизм [2, р. 292].

Результаты и их обсуждение. Теория трудовой стоимости послужила общей основой для исследования ренты, рентоориентированного поведения, рентных отношений. Впоследствии ключевые позиции понятие ренты приобретает в рамках неоклассического направления экономической науки. Экономисты-неоклассики (А. Маршалл, Д. Б. Кларк, И. Фишер) исходят не столько из теории трудовой стоимости, сколько из концепций редкости и полезности. Представители данной школы говорят о невозможности существования ренты в эффективно функционирующей конкурентной экономике, поскольку подобный доход вытесняется в результате действия рыночных механизмов [3, с. 31].

Ранее нами отмечалось, что «в XIX веке при переходе к новому этапу развития капитализма – индустриальному капитализму государство было вынуждено вмешиваться

в хозяйственную жизнь. Правительства используют такие методы регулирования экономических процессов, как субсидирование частных предприятий, кредитование определенных производств, предоставление монопольных прав на производство определенных товаров или на торговлю в определенных районах» [4, с. 136]. Следовательно, предпосылками для появления рент служат как финансовое регулирование, так и ограничение конкуренции посредством вмешательства в экономику со стороны государства.

Дж. Бьюкенен определяет ренту как «часть оплаты владельцу ресурсов сверх той, которую бы он получил при любом альтернативном использовании» [5, с. 22]. В. Рязанов указывает, что рента – это «любой чрезмерный доход (сверхприбыль), прямо не связанная с предпринимательской деятельностью или с дополнительными усилиями» [6, с. 170]. В целом, под рентой понимается излишек дохода владельца определенных рентных факторов, который обусловлен превышением рыночной цены над индивидуальной ценой производства товаров и услуг в результате использования этих факторов. В качестве рентных факторов могут выступать различного рода ресурсы, наделенные свойством исключительности, ограниченности, малодоступности и позволяющие их монопольному собственнику (пользователю) получать в результате экономической эксплуатации дополнительный рентный доход на продукт или услуги. С другой стороны, Е. Карпиков видит основу ренты не просто в наличии неких ресурсов, а в непосредственной фиксации монополии ресурса. Ученый характеризует свой подход как институциональную рентную парадигму, позволяющую объяснить появление ренты как добавочной прибыли практически во всех сферах. Например, государство, «создавая систему прав собственности на рентные ресурсы демонстрирует обществу возможность получения ренты фактически везде» [7, с. 19–20].

На современном этапе наряду с традиционными ресурсами, генерирующими рентные доходы, можно выделить и некоторые другие их виды, такие, как, например, административный ресурс, представляющий собой положение или должность, занимаемую индивидом, лидерские качества, профессиональные навыки и умения, опыт ведения предпринимательской деятельности. Социальный капитал можно также рассматривать как рентообразующий ресурс, поскольку под ним понимается «сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих трансакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющих получить осязаемую социально-экономическую выгоду» [8, с. 51]. «Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками соответствующих социальных сетей» [9, с. 292]. Данная информация является фактором, создающим благоприятные условия для извлечения индивидом ренты.

Ренту можно дифференцировать, исходя из используемого вида ресурса: экономическая рента, природная рента, политическая рента, бюрократическая рента, рента за применение уникальных знаний и навыков. Потенциальная возможность обладать дополнительным доходом является предпосылкой для появления рентоориентированного поведения или рентоискательства – специфической деятельности экономических субъектов, направленной на увеличение собственного богатства путем поиска, создания и удержания условий для получения ренты, как правило, вносящей отрицательный вклад в совокупное богатство общества. Анализируя производство товаров интенсивного обновления, Т. В. Сергиевич отмечает, что «за период существования суверенной Беларуси государству удалось создать благоприятные условия для развития белорусского производства, поддерживающие отечественного производителя, что привело к формированию рентоориентированного поведения у многих крупных предприятий» [10, с. 264].

Интересными для анализа представляются экономические последствия рентоориентированного поведения субъектов. В связи с этим необходимо выделить два типа рент:

реальную и искусственную. Реальная рента возникает в результате рыночной конкуренции и характеризуется способностью создавать дополнительную общую стоимость, тем самым увеличивая общественный продукт. Появление данного типа ренты возможно при условии, что рента направлена на расширение производственной деятельности и превышении величины добавочной стоимости над рентными затратами. «Ренты обучения», распространенные в Южной Корее, могут выступать как пример реальной ренты [11, с. 94]. Подобные ренты получали менеджеры зарождающихся индустрий, успешно перенявшие технологические инновации развитых государств и внедрившие их в производство с учетом сложившихся местных условий хозяйствования, существующего запаса капитала. Данные ренты предоставлялись в форме государственных субсидий, обусловленных степенью технологического переоснащения предприятия, повышением эффективности в течение заданного периода времени. К числу примеров реальных рент можно также отнести «ренту руководителя». Возможность присваивать ренту как остаточный доход после возмещения производственных издержек играет роль действенного мотиватора, стимулирующего руководителя к еще более тщательному мониторингу, рациональной организации рабочего процесса, а также к повышению эффективности функционирования вверенного ему предприятия в целом.

Искусственная рента возникает, как правило, в результате влияния представителей власти на рыночный механизм, и приводит к уменьшению общественного продукта. Причина потерь благосостояния общества заключается в значительном количестве ресурсов, отвлекаемых для борьбы за получение ренты. По мнению Г. Таллока, потери от монополии должны измеряться в зависимости от того, сколько усилий было вложено в ее получение как победившей, так и проигравшей стороной. Он приводит следующий пример: стоимость пула футбольных ставок измеряется не стоимостью выигравшего билета, а стоимостью всех билетов. Более того, Г. Таллок выделил несколько форм рентоориентирования. Во-первых, это поиск квот и тарифов, что предполагает растрату средств фирмами, деятельность которых ориентирована на экспорт товаров, с целью получения выгодных квот и тарифов. Во-вторых, к числу таких форм относится поиск монополий. В такой ситуации ресурсы расходуются на создание и поддержание экономических монополий. В-третьих, это незаконное присвоение прав других лиц [1, с. 443–445].

А. Крюгер рассматривала легальные и нелегальные формы рентоискательства [2, р. 300]. К легальным формам исследователь относила лоббирование, подразумевающее оказание давления на государственные органы с целью склонения их к принятию политических решений или распределения ресурсов, отвечающих интересам определенных групп. Среди числа нелегальных форм она выделяла взяточничество, кумовство, контрабанду, принуждение. В последнем случае рентоискательство представлено специфической транзакцией между политическим и экономическим полюсами. При этом сторона спроса представлена индивидами и группами интересов, а сторона предложения – политиками, «торгующими» правовым регулированием в обмен на получение выгоды.

Российский экономист А. П. Заостровцев, анализируя теорию групп интересов М. Олсона и теорию поиска ренты, пришел к следующему выводу: «погоня групп интересов за обеспечиваемыми политикой преимуществами ведет к появлению импортных квот, легализованных монополий, лицензий и фиксированных цен – всему, что служит перераспределению рент от неорганизованных групп (потребителей и налогоплательщиков) к организованным интересам. И в результате, чем лучше политическое устройство представляет интересы организованных групп, тем хуже для экономики и общества в целом (в частности, чем выше активность групп интересов, тем ниже темпы экономического роста)» [12, с. 9]. Следовательно, интенсивность и масштабы ренты определяются институциональной структурой общества. Ведущую роль играет институт собственности. Поскольку в развивающихся странах институциональные структуры только находятся на пути становления и развития, то общественные потери от рентоориентированного поведения хозяйствующих субъектов здесь гораздо больше, чем в развитых странах.

Также можно проследить связь между уровнем политической стабильности в обществе и числом препятствующих развитию институтов. В книге «Возвышение и упадок

народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз» М. Олсон сравнивает экономическое развитие Великобритании и Германии в послевоенный период. Ученый говорит о том, что «после Второй мировой войны темп экономического роста Великобритании был самым низким среди развитых демократий. В то время как существенный рост германской экономики наблюдался не только в период восстановления промышленности и достижения предвоенного уровня; он еще больше усилился после выхода на довоенный период производства и потребления. Одну из причин данного явления М. Олсон видит в укреплении в результате войны традиционно организованных групп интересов в Великобритании и сведении их на нет в Германии» [13, с. 17].

Расширение государственного бюджета и рост численности бюрократического аппарата можно рассматривать как одну из предпосылок рентоискательства. Один из авторов теории бюрократии У. Нисканен указывает на стремление бюрократов максимизировать функцию полезности занимаемого ими положения путем увеличения размеров выданного бюджета. Следствием этого являются потери благосостояния общества и получение бюрократами дополнительной выгоды в виде бюрократической ренты. К формам проявления бюрократической ренты можно отнести: нечетко определенные контракты, номенклатурные блага в виде служебных автомобилей, средств коммуникации, командировок.

Важно подчеркнуть необходимость разграничения понятий «ренты» и «прибыли». Стремление к получению прибыли предполагает максимизацию собственных доходов путем использования существующих рыночных возможностей для производства большего количества благ при заданных затратах или того же количества благ при меньших затратах. Стремление к извлечению ренты сопровождается затратами ресурсов ради искусственно созданного трансферта, полученного путем государственного перераспределения.

Процесс поиска ренты развивается в геометрической прогрессии. Расходы на удержание монопольных прав со стороны рентополучателей порождают расходы их потенциальных конкурентов, направленные на разрушение входных барьеров, что в свою очередь повышает уровень затрат со стороны монополистов. Следует также отметить, что рентоискательство – это многоуровневый процесс. Нижний уровень представлен производителями, инвестирующими средства в приобретение для себя льготных условий деятельности. Средний уровень – это чиновники, конкурирующие между собой за ренту в органах государственной власти и управления. Фактором возникновения верхнего уровня послужило распределение средств, собранных государством в результате осуществления той или иной его деятельности. На данном уровне субъекты конкурируют за право являться получателем государственных трансфертов.

Природа феномена ренты обуславливает сложность количественного измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов. Однако существуют некоторые индексы, косвенно оценивающие масштабы рентоискательства. Во-первых, к числу таких индексов можно отнести Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index (CPI)), разработанный международной неправительственной организацией Transparency International. Он отражает субъективное восприятие коррупции аналитиками, экспертами и предпринимателями в 180 странах мира. Согласно последним оценкам, наиболее низкий уровень коррупции существует в Дании, Новой Зеландии, Финляндии и Сингапуре, а наиболее высокий – в Йемене, Сирии, Южном Судане и Сомали [14]. Во-вторых, еще одна группа индикаторов, свидетельствующих о масштабах рентоискательства в стране, включена в Рейтинг недееспособности государств, разработанный американским Фондом мира, и представлена Индексом политической раздробленности (Factionalized Elites Indicator) и Индексом группового недовольства (Group Grievance). Показатель Индекса раздробленности измеряет масштабы борьбы за власть, политическую конкуренцию и политические переходы, а величина Индекса недовольства свидетельствует о противоречиях между различными группами в обществе, возникающих, например, из-за неравного доступа на рынок или к участию в политических процессах. Наибольший уровень политической раздробленности и группового недовольства характерен для Йемена, Сомали, Южного Судана и Сирии, а наименьший – для Дании, Швейцарии, Норвегии и Финляндии [15].

Выводы. Существующая потенциальная возможность получить непроизводительный доход создает предпосылки для возникновения соответствующих мотивов деятельности экономических субъектов. Рентные интересы, в свою очередь, стимулируют рентоориентированное поведение, направленное на разработку и применение механизмов получения государственных трансфертов. Институциональное устройство страны напрямую влияет на масштабы проблемы рентоискательства. Следовательно, необходимо существенно ограничить условия для поиска ренты со стороны государства. Это возможно посредством поддержки преимущественно стратегических отраслей, установлением эффективных пропорций распределения ренты, контролем за результатами деятельности. Принятые меры окажут благоприятное влияние на экономический рост и развитие страны.

Список использованных источников

1. Таллок, Г. Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства / Г. Таллок // Вехи экономической мысли : в 6 т. – СПб., 2004. – Т. 4 : Экономика благосостояния и общественный выбор. – С. 435–448.
2. Kruger, A The Political Economy of the Rent-Seeking Society / A. Kruger // American Economic Review. – 1974. – Vol. 64. – P. 291–303.
3. Даниленко, Л. Н. Рента как категория современной экономической науки / Л. Н. Даниленко // Теория экономического анализа. – 2013. – № 8 (311). – С. 20–31.
4. Клименко, В. А. Рыночная экономика: генезис и принципы становления и развития / В. А. Клименко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 132–139.
5. Бьюкенен, Дж. Извлечение ренты и извлечение прибыли / Дж. Бьюкенен // Политическая рента в рыночной и переходной экономике. – М. – 1995. – С. 22–24.
6. Рязанов, В. П. Рента как ключевая проблема современного экономического развития России / В. П. Рязанов // Философия хозяйства. – 2004. – № 6. – С. 169–183.
7. Карпиков, Е. И. «Свежий» взгляд на рентную проблему / Е. И. Карпиков // Экономические науки. – 2004. – № 6. – С. 17–24.
8. Солодовников, С. Ю. Особенности институциональных последствий современного этапа НТР для трансграничных территорий / С. Ю. Солодовников // Социально-экономическое развитие предприятий и регионов Беларуси: инновации, социальные ориентиры, глобализация. Материалы в 2 ч. ; Витебский государственный технологический университет. – Витебск, 2009. – С. 290–293.
9. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.
10. Сергиевич, Т. В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 260–286.
11. Носова, О. В. К вопросу о природе и эффективности ренты и рентоориентированного поведения как институтов развития: опыт стран Восточной Азии / О. В. Носова // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. Экономическая. – 2005. – № 89–2. – С. 90–96.
12. Заостровцев, А. П. Теории групп интересов / А. П. Заостровцев // Финансы и бизнес. – 2009. – № 1. – С. 6–24.
13. Олсон, М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – М. : Новое издательство, 2013. – 324 с.
14. Transparency International [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.transparency.org/>. – Date of access : 13.02.2020.
15. Fund for Peace [Electronic resource]. – Mode of access : <https://fundforpeace.org/>. – Date of access : 13.02.2020.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2020 года

THEORY OF RENT-SEEKING: THEORETICAL COMPREHENSION

V. A. Klimenko

vak_@tut.by

Doctor of Sociology, PhD in Economics,
Professor, Advisor
CIS Executive Committee
Minsk, Republic of Belarus

Y. V. Karpovich

juliakarpovich.gk@gmail.com
student

Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of the methodological framework of the rent-seeking theory. Based on the analysis of the terminological features of rent, the concept and main characteristics of rent and rent-seeking behavior are revealed. Basic forms of rent-seeking are shown. The methods of measuring rent-seeking behavior effects are identified.

Keywords: rent, rent-seeking behavior, rent-seeking, rent resources, political rent.

References

1. Tallok, G. Poteri blagosostoyaniya ot tarifov, monopolij i vorovstva / G. Tallok // Vekhi ekonomicheskoy mysli : v 6 t. – SPb., 2004. – T. 4 : Ekonomika blagosostoyaniya i obshchestvennyj vybor. – S. 435–448.
2. Kruger, A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society / A. Kruger // American Economic Review. – 1974. – Vol. 64. – P. 291–303.
3. Danilenko, L. N. Renta kak kategoriya sovremennoj ekonomicheskoy nauki / L. N. Danilenko // Teoriya ehkonomicheskogo analiza. – 2013. – № 8 (311). – S. 20–31.
4. Klimenko, V. A. Rynochneya ekonomika: genezis i principy stanovleniya i razvitiya / V. A. Klimenko // Ekonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2016. – Vyp. 4. – S. 132–139.
5. B'yukenen, Dzh. Izvlechenie renty i izvlechenie pribyli / Dzh. B'yukenen // Politicheskaya renta v rynochnoj i perekhodnoj ekonomike. – M. – 1995. – S. 22–24.
6. Ryazanov, V. P. Renta kak klyuchevaya problema sovremennoego ekonomicheskogo razvitiya Rossii / V. P. Ryazanov // Filosofiya khozyajstva. – 2004. – № 6. – S. 169–183.
7. Karpikov, E. I. «Svezhij» vzglyad na rentnyu problemu / E. I. Karpikov // Ekonomicheskie nauki. – 2004. – № 6. – S. 17–24.
8. Solodovnikov, S. Yu. Osobennosti institucional'nykh posledstvij sovremennoego ehtapa NTR dlya transgranichnykh territorij / S. Yu. Solodovnikov // Social'no-ehkonomicheskoe razvitie predpriyatij i regionov Belarusi : innovacii, social'nye orientiry, globalizaciya. Materialy v 2 ch. ; Vitebskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet, pod red. : V. V. Pyatov [i dr.]. – Vitebsk, 2009. – S. 290–293.
9. Solodovnikov, S. Yu. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya social'nogo kapitala kak politiko-ekonomicheskogo fenomena / S. Yu. Solodovnikov // Ekonomicheskaya nauka segodnya. – S. 6–56.
10. Sergievich, T. V. Trudovoj potencial i upravlenie trudom v tekstil'noj i shvejnoj promyshlennosti kak ob'ekty ehkonomicheskogo issledovaniya / T. V. Sergievich // Ekonomicheskaya nauka segodnya – S. 260–286.
11. Nosova, O. V. K voprosu o prirode i ehffektivnosti renty i rentoorientirovannogo povedeniya kak institutov razvitiya : opyt stran Vostochnoj Azii / O. V. Nosova // Nauchnye trudy Doneckogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Ekonomicheskaya. – 2005. – № 89–2. – S. 90–96.
12. Zaostrovcev, A. P. Teorii grupp interesov / A. P. Zaostrovcev // Finansy i biznes. – 2009. – № 1. – S. 6–24.
13. Olson, M. Vozvyshenie i upadok narodov: Ekonomicheskij rost, stagflyaciya i social'nyj skleroz / M. Olson. – M. : Novoe izdatel'stvo, 2013. – 324 s.
14. Transparency International [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.transparency.org/>. – Date of access : 13.02.2020.
15. Fund for Peace [Electronic resource]. – Mode of access : <https://fundforpeace.org/>. – Date of access : 13.02.2020.